

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

К80

© 2019 Joey Drew Studios Inc. Bendy, Bendy and the Ink Machine, The Bendy Characters, images and logos are trademarks of Joey Drew Studios Inc. All Rights Reserved. Russian-language edition published by EKSMO PUBLISHING HOUSE LIMITED COMPANY, by arrangement with Scholastic Inc., 557 Broadway, New York, NY 10012, USA.

Адрианна Кресс.

К80

Бенди и чернильная машина. Кошмары ожидают / Адрианна Кресс ; [перевод с английского А. Онищук]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Young Adult. Bendy and the ink machine).

ISBN 978-5-04-105506-6

Bendy and the Ink Machine — популярная компьютерная игра, ставшая культовой в жанре хоррора!

Перед вами дневник Бадди, юного сотрудника анимационной студии, который пытается раскрыть темные секреты таинственного мультипликатора.

Бадди — простой парнишка из трущоб Нью-Йорка. Однако у него есть мечта — больше всего на свете Бадди хочет стать художником. И судьба преподносит ему удивительный сюрприз, когда он совершенно случайно попадает на работу в анимационную студию. Уже в первый рабочий день Бадди начинает понимать: нечто странное творится в стенах студии. Сотрудники пропадают с рабочих мест, за закрытыми дверями слышится протяжный вой, а еще чернила... Чернильные пятна появляются повсюду, и отмыть их невозможно. С каждым днем чернил становится все больше, и Бадди должен выяснить, что на самом деле происходит в анимационной студии мистера Дрю. Однако он еще не знает: секреты таинственного директора могут стоить ему жизни.


УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Онищук А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-105506-6



Я вижу эту улыбку повсюду. Она внезапно появляется в темноте. За углом. Во снах. Эта широченная улыбка. Этот рот, полный зубов. Они кажутся плоскими и ровными. Ты не узнаешь, насколько острые эти зубы, пока не обнаружишь себя скользящим вниз по его пищеводу.

Он — маленькое исчадие ада.

Мне не сбежать.

То, что я хочу тебе рассказать, может показаться невероятным.

Я не дурак. Народ прочитает это и подумает: «Не знаю, кем себя возомнил этот Бадди, но ему меня не провести». Но мне необходимо всё записать. Я должен рассказать эту историю. Даже если мне никто не поверит. Я обязан, пока ещё не слишком поздно. Пока не...

После каждого звука, после каждого скрипа я ищу ту улыбку. Любой сказал бы, что я сошёл с ума. Но мне-то известна правда. Я знаю, что видел. И мне известно случившееся.

Тебе нужно читать это с особым вниманием. Слова мне никогда не давались. Но приходится использовать их, потому что рисункам нельзя доверять.

Рисункам *нельзя* доверять.

АДРИАННА КРЕСС

Во всё это впутано много людей. Слишком много. Но если у меня получится защитить хотя бы одного человека... Спасти хотя бы одного от того, во что они превратились...

От того, во что все мы превратились...

Если у тебя получится найти эти записи, Дот. Если у тебя получится найти нас...

Наверное, мне стоит начать сначала.

И продолжать.

До самого конца.

1

«Мечты становятся реальностью, Бадди», — вот что он сказал. Мистер Дрю не был каким-то там обманщиком. Только вот проблема в другом: хоть мечты и становились реальностью, однако то же самое происходило и со страхами. Я долгое время всего этого не понимал, честно говоря. Мечты становятся реальностью? Для кого? Для богачей, ясное дело. А что касается моей семьи? Мечты для нас являлись всего лишь короткими передышками в ежедневной работе до седьмого пота.

Хотелось бы мне по-настоящему запечатлеть, как выглядел Нижний Ист-Сайд¹ летом 1946 года. Было бы здорово изобразить его на картине: тротуары, плавно перетекающие в автомобильную дорогу и заканчивающиеся канализационными решётками; клубы пара, что поднимаются в суровое бледное небо; большие жирные сочные капли пота, стекающие по лбам прохожих. Кажется, само слово «пекло» будто бы витает в воздухе.

Но я не должен рисовать. Нужно рассказывать.

¹ Нижний Ист-Сайд — район Манхэттена с узкими улицами, простыми многоквартирными домами, элитными апартаментами и шикарными бутиками.

Я пытаюсь вспомнить всё, чему научился у тебя, Дот. Ты поведала мне, как написать хорошую историю. Мне нужно лишь припомнить, что именно ты говорила об использовании всех пяти органов чувств. А не только зрения.

Писать — не то же самое, что рисовать.

Пять органов чувств... Что там за остальные четыре?

Точно.

Слух: смех детей, их весёлые крики, вопли взрослых, звон бьющегося стекла и затем звук кулаков, молотящих по плоти. Когда становилось слишком жарко, случались драки. Делать нечего, пойти куда, мозг занять не удаётся — в результате он превращается в розовое вязкое пюре внутри твоей черепушки и плещется там, в любой момент нороя вылиться из ушей.

Осязание: кожа всегда скользкая от пота; всё под пальцами кажется мокрым, потому что ты весь покрыт испариной. Возможности оставаться сухим попросту не существовало.

Обоняние: воздух всегда был спёртым и неподвижным, неспособным подняться выше стен многоквартирных высоток. В большинстве случаев он источал запах мочи. От этого тебя подташнивало. Порой ты блевал... А! Это ещё один запах: вонь рвоты.

Вкус:

Вкус...

Прошу прощения, сейчас не могу вспомнить вкус. Это слишком сложно. Я чувствую только горечь во рту. Лишь этот долгоиграющий привкус чернил.

В общем, ты понимаешь: было жарко. И осознать это — важно, потому что я готов был пойти на что угодно, лишь бы сбежать подальше от такой

жарищи и этого района. Я бегал по швейным мастерским уже в течение нескольких лет. С тех самых пор, как умер отец. Мама стала портнихой, а я бросил школу. Вместо своего кузена Ленни я стал доставлять готовые костюмы и пиджаки мистеру Шварцу — нашему начальнику. А потом снова тащил маме детали костюмов, чтобы она в очередной раз проделала ту же самую работу с самого начала. Нам требовались деньги. Лишь заработав их, я мог вызвать у мамы улыбку. Я скучаю по её улыбке. Нежной. Спокойной. Тёплой. По той улыбке, что озаряет лицо и отражается в глазах.

Мамина улыбка совсем не была похожа на его улыбку. Абсолютно не похожа.

Ближе к сути: мне платили. Это было главным.

Тем не менее мне уже почти стукнуло семнадцать лет — в то время как большинству остальных мальчишек едва ли исполнилось двенадцать. Я чувствовал себя глупо, выполняя ту же самую работу наравне с ними. Именно поэтому, когда мистер Шварц предложил мне стать его мальчиком на побегушках и пояснил, что я, таким образом, смогу выбираться за пределы нашего микрорайона и перемещаться по всему городу, я без раздумий согласился. В других частях города росла зелень. Деревья и всякое такое. И ещё там встречались ухоженные кварталы, от которых не воняло мочой. Когда я доставлял готовый костюм в Верхний Ист-Сайд, то мог позволить себе прогуляться в парке и окунуть ноги в пруд. По водной глади люди катались на лодках.

Более того, я мог наблюдать за художниками, которые рисовали вдоль аллей картины для туристов. Появилась возможность вблизи разглядывать карикатуры.

И с этим начали возникать проблемы.

Во-первых, очевидно: художники — народ темпераментный.

— Эй, малец, ты что тут делаешь?

— Просто смотрю, сэр.

Наверное, в тот раз я ближе обычного подобрался к холсту.

— Проваливай отсюда со своим «просто смотрю»!

Это напоминало художественную школу. Только вот, готов поспорить, учителя в ней не гонят тебя прочь и не говорят, что ты отпугиваешь покупателей, когда склоняешься над холстом.

Однако это было не столь важно. Видишь ли, я кое-чего не упомянул. Ведь ты, полагаю, сама прекрасно знаешь, что я художник. Точнее, художником я считаюсь сейчас. Тогда же я им не был, но очень хотел стать. Не знаю почему; может быть, это как-то связано с моим дедушкой, которого я никогда не встречал и который жил в Польше. Я всегда думал, что он, должно быть, любил искусство. В конце концов, единственное, что дедушка спас и отправил вместе с мамой с «исторической родины», как она говорила, были эти чёртовы картины. Люди всегда очень удивлялись, увидев огромные полотна, написанные маслом, в нашей небольшой съёмной квартирке. Мама могла бы продать их за большие деньги. Но не продала. И на меня это произвело неизгладимое впечатление. Я начал делать зарисовки по ночам, просыпаться и опаздывать в школу. Затем меня начали часто отправлять в кабинет директора за «каракули», которые я рисовал днём во время занятий. И, боже мой, как же я любил комиксы! Я бегал по району и собирал выброшенные газеты в надежде прочесть свежие выпуски про моряка Попая или Дика

Трейси. Даже сам начал рисовать комиксы, сочиняя приключения с Олив Ойл, Прюнфейсом или Спаркл Пленти. В скором времени моё воображение стало придумывать своих собственных персонажей. Они не казались забавными. Я их никому не показывал. А потом я обнаружил художников в Центральном парке. Скажем так, меня это несколько отвлекло.

— Ты потерял костюм? — мистер Шварц, если хотел, мог выглядеть весьма пугающе для человека ростом чуть больше ста пятидесяти сантиметров.

— Мне очень жаль, сэр! Клянусь, такого больше не повторится!

Я лишь на секунду положил костюм, чтобы лучше присмотреться к картине. Однако и этого оказалось достаточно, чтобы кто-то незаметно его утащил.

— А что скажешь по поводу прошлого раза, когда ты задержался на три часа? Мой клиент едва не опоздал из-за тебя на встречу.

— Мне очень жаль, сэр.

— Ты хочешь стать моим подмастерьем? Хочешь хорошо и честно зарабатывать?

Я хотел. Правда, хотел. Мне нужны были деньги. Нам с мамой требовались деньги. Только вот никто особо не горел желанием брать на работу подростка из трущоб, у которого практически не было образования. Быть правой рукой мистера Шварца считалось самым большим, на что я мог рассчитывать.

Боже мой, как же глупо я себя чувствовал. И как же меня съедал стыд.

— Я дам тебе ещё один шанс, Бадди. Ещё один — и всё.

Ещё один шанс.

Последний для меня.

А потом я встретил *его*.

Я впервые пришёл к нему в студию, чтобы доставить костюм — чехол для одежды был перекинут через моё правое плечо. В тот день в студии из-за жары отключили электричество. Причём не только в студии, располагающейся в кирпичной высотке, но и во всём районе. Обычно мигающие огни театральных вывесок не горели. Я прошёл мимо погасшего анонса «Женщины из Сент-Луиса». Пожёвывая зубочистки, двое рабочих сцены смотрели на здание. Они задрали головы и упёрли руки в бока.

— И что теперь, Стив?

— Шоу должно продолжаться.

— Ну, это они так говорят.

Осознание того, что электричество отключили, до меня дошло лишь через несколько кварталов в западном направлении. Я тогда прошёл мимо одного из театров офф-Бродвея¹ и наконец добрался до располагающейся по соседству с ним студии. Я приложил все усилия, чтобы прийти вовремя, но всё равно опаздывал. В этот раз моей вины в этом не было. Клянусь, во всём следует винить метро. Но мистер Шварц не увидел бы разницы. Мне нужно было наверстать упущенное время, поэтому я шёл быстро, не особо обращая внимания на мир вокруг себя. Тем не менее, когда я ступил в мутную темноту, она рывком вернула меня в реальность. Я остановился и просто застыл на месте. Было так

¹ Офф-Бродвей — профессиональный театральный термин, которым обозначаются сценические площадки в Нью-Йорке с вместимостью от 100 до 499 посетителей. По своим размерам эти театры меньше бродвейских.

темно, что даже не удавалось определить, где низ, а где верх.

А потом внезапно стало слишком ярко — словно прямо на меня кто-то направил луч света. Я поднял руку. Свет соскользнул прочь с моего лица. Я наблюдал за тем, как лучик света пробежал по комнате и остановился на седой пожилой женщине. Она расположилась за огромным столом. Я подскочил на месте, удивлённый её внезапному появлению.

— Чёрт тебя возьми, Норман, — воскликнула она, зажмурив глаза за линзами огромных очков.

— Проектор погас, — хрипло отозвался Норман.

— Если ты не заметил, то электричества нигде нет. Хватит уже светить мне фонариком в глаза!

На секунду всё замерло. Затем по щелчку снова погрузилось во тьму. Должен заметить, вокруг стало ещё темнее. Намного темнее. После света прямо в глаза мне казалось, будто отключился не только фонарик, но и моё зрение. От этого по спине побежали мурашки.

Я не знал, что делать. Мне нужно было доставить костюм. Я подумал, что могу вспомнить, в каком направлении находился стол. Может быть, получится добраться до него вслепую?

— А что это за мальчишка? — спросил Норман откуда-то из темноты.

— Я не знаю, Норман.

Раздался звук чиркнувшей о коробок спички. Затем она вспыхнула с характерным тихим «пыщц».

Лицо пожилой женщины устрашающе исказилось длинными вытянутыми тенями, пока она зажигала лампу в руке.

И затем появился свет.

Он дрожал и танцевал на стенах. В рамках висели различные плакаты. Они напоминали афиши к фильмам, но изображали мультяшек. В частности — одного персонажа, который всё время улыбался. Мне захотелось рассмотреть плакаты поближе. Куда я попал? Что это было за место? Почему персонаж выглядел таким знакомым?

— Ну вот, мальчик, теперь я тебя вижу. Что тебе нужно? — спросила женщина. Она сидела за столом так низко, что над столешницей виднелись только её очки и макушка.

— Я, эээ...

Вопрос был не сложный. Однако я забыл, для кого предназначалась доставка. Поэтому опустил голову вниз и стал возиться с чёрным чехлом для одежды, чтобы отыскать имя на бирке.

— Иди сюда, я ни черта не разберу, что ты там бормочешь, — велела женщина. Над столом появилась её рука, которая резким жестом требовала подойти поближе.

Я повиновался, всё ещё пытаюсь отыскать имя владельца костюма.

— У меня костюм, — сказал я в попытке выиграть немного времени.

— Угу-угу, — отозвалась женщина.

Наконец мне удалось отыскать бирку.

Тогда впервые его имя стало для меня чем-то, что оставило отпечаток в памяти. Впервые оно обрело какой-то смысл. До этого момента для меня было важно лишь вовремя добраться до студии и не быть уволенным. Вот о чём я думал. Так что я помнил адрес и знал, что студия находилась на Бродвее. Однако имени заказчика я не слышал и не видел.

— Ну же, мальчик, отвечай. У меня не так много времени.

— Джоуи Дрю, — сказал я. — Я ищу мистера Джоуи Дрю.

— И кто это его ищет? — спросил Норман с подозрением в голосе.

— Мистер Шварц, — выпалил я. Это не самый подходящий ответ, но темнота и поведение Нормана почему-то заставляли меня нервничать. Нисколько не улучшал ситуацию дрожащий свет, который освещал улыбающегося на плакатах персонажа.

— Кто? — поинтересовалась женщина.

— Портной, который сшил для него костюм. У меня костюм мистера Дрю. Я курьер... с... его... костюмом.

— Так он покойничек, — сказал Норман.

Я повернулся к мужчине. Тот стоял слишком далеко от света лампы, поэтому представлял собой только тёмный силуэт.

— Он... умер?

Сердце бешено стучало в груди. Я не понимал, как такое возможно. И это странным образом почему-то пугало.

— Не, — с усмешкой ответил Норман. — Не умер.

— Я... не понимаю, — сказал я и снова повернулся к пожилой женщине.

Она лишь пожала плечами:

— Шутки Нормана никто не понимает.

— Так это была шутка? — я оглянулся на мужской силуэт.

Норман всё ещё смеялся. Однако от его смеха, в котором совсем не слышалось веселья, мне легче не стало — это уж точно.